

С.И. Кормилов

Личность и толпа

<...>

Одно из последних произведений Лермонтова — «Пророк» (1841). Речь идет о приобщении человека к тайнам бытия. Стихотворение продолжает пушкинского «Пророка», но непохоже на него ни по содержанию, ни по стилю. Лермонтовский герой тщетно пытался «глаголом жечь сердца людей» («Провозглашать... любви / И правды чистые ученья»). Люди с ним не разговаривают, гонят его прочь, слушают его только звезды в пустыне, где ему покорна и «тварь... земная». Лермонтов вошел в литературу со словами «невольник чести», а ушел из жизни, занеся на бумагу слова злобных гонителей пророка: «...Как презирают все его!» Бог с ним также не говорит, но оставил не пророка, а людей, считающих его глупцом. Теперь он не горд, «через шумный град» пробирается «торопливо». Однако пророк остается пророком и тогда, когда ему не верят, ибо сам он верен себе и «завету предвечного». Потому и достоинство пророка, подвергаемого поруганию ничтожествами, для автора несомненно.

В лермонтовском «Пророке» гораздо меньше, чем в пушкинском, старославянизмов. Относительная нейтральность стиля — подчеркнутая, по словам литературоведа Л. Гинзбург, «такими рифмами, как *вас — нас, него — его*, — придает теме пророка-поэта, судьбе пророка-поэта характер особой суровости. С особой значительностью звучат в этом контексте слова: *угрюм, худ, бледен, наг, беден*, — они не нуждаются в дополнении.

Отказ от стилизации имеет здесь и другое значение: он приглушает библейский план стихотворения и выдвигает вперед другой план, подразумеваемый, — современность. Надо оговорить, что герой стихотворения не поэт, а именно боговдохновенный пророк, тут нет никакой аллегории. Но Лермонтов, безусловно, подразумевал и судьбу поэтов-пророков, не исключая своей. Пишет он тем самым и о современности тоже, однако прежде всего о типичной общечеловеческой ситуации.

<...>